

По техническим причинам редакторы книги изменили порядок изображений на рисунке к статье. Здесь он приводится в первоначальном виде.

Н.Ю. Кузьмин

Окуневский код в семантике тесинско-таштыкской раскраски масок

Наличие окуневских традиций в культурах Минусинской котловины последующего времени, вплоть до таштыкской – то есть на протяжении более чем двух тысячелетий – является феноменом, требующим более подробного изучения.

По предположению Г.А. Максименкова, местное окуневское население было вытеснено из Минусинской котловины на соседние территории пришлыми афанасьевскими племенами, но затем вернулось обратно. Этот процесс он определил как «первобытную реконкисту» (Максименков, 1975, с. 36-37). О сохранении окуневских элементов культуры до предскифского времени в Туве свидетельствуют материалы раскопок многослойной стоянки Тора-Даш (Семенов 1992, 132, рис. 49). В горных районах Тувы, по наблюдениям А.М. Мандельштама, окуневские погребальные традиции заметны и в скифскую эпоху (Мандельштам, 1983, с. 7-8).

Присутствие окуневского компонента на Алтае в скифское время подтверждается выводами антропологов. «Что касается монголоидного компонента, то, по нашим данным, его вклад в формирование антропологического состава пазырыкского населения в целом и его укокской популяции в частности осуществлялся из двух «источников»: автохтонного населения – носителей каракольской культуры с монголоидными особенностями в строении черепа, генетически связанного с мощным пластом носителей культур окуневского круга, и представителей тех монголоидных племен, на основе которых в степях Монголии и Забайкалья формировался гуннский племенной союз» (Феномен алтайских мумий, с. 189).

В Минусинской котловине окуневская культура просуществовала до появления карасукской, а возможно, судя по последним данным раскопок "све", и до каменнолоожского времени (Готлиб, 1997, с. 143). Очевидно, что окуневское наследие не исчезло бесследно. Собранные к настоящему времени материалы позволяют говорить о том, что и окуневские изобразительные традиции проявлялись в культурах более позднего времени. Изваяние окуневского типа обнаружено в нише одного из жилищ карасукского поселения Торгажак (Савинов, 1997, с. 215). Во время раскопок раннетагарского кургана у горы Багульня отмечено осмысленное использование стел с окуневскими изображениями в качестве угловых и промежуточных камней ограды, что позволило включить эти изображения в общий контекст погребального памятника (Кузьмин, 1995, с. 55-57). В стилистике изобразительного творчества скифского времени прослежены окуневские черты (Пяткин, 1987, с. 79-83; Шер, 1989).

К настоящему времени накоплено значительное количество фактов, позволяющих говорить о возрождении многих утраченных, казалось бы, навсегда, элементов окуневской культуры в хуннское время.

Э.Б. Вадецкая первой заметила, что в тесинских грунтовых могильниках встречаются элементы окуневской культуры (Вадецкая 1983, с. 20-23; 1986, с. 100). «Те и другие имели монголоидную примесь, хоронили покойников в каменных ящиках, дно которых настилали плитками. Окуневцы клали покойников с поднятыми вверх коленями и приподнятой головой. То же встречается у инокультурного [то есть тесинского – *Н.К.*] населения. Среди всех древних племен только окуневцы лепили геометрические сосудики и клали в могилы астрагалы косули» (Вадецкая, 1999, с. 181). Окуневские черты в тесинских могильниках, по мнению Вадецкой, подкрепляют гипотезу о принадлежности грунтовых могильников пришлому инокультурному населению.

В тесинских курганах-склепах также находятся многогранные сосуды, есть сосуды с внутренней перегородкой, напоминающие окуневские курильницы. Специфической особенностью

погребального обряда окуневцев является трепанация черепов. В тесинское время до захоронения в курганах-склепах производились операции по мумификации трупов, включающие трепанацию и очистку черепов. На окуневских черепах сохраняются следы охры – предположительно, остатки раскраски лиц. Расположение следов охры на черепах позволило прийти к выводу о возможности соотнесения элементов этой раскраски с изображениями окуневских личин на писаницах и каменных стелах (Максименков, 1968, с. 168; Вадецкая, 1980, с. 59). В тесинских склепах черепа погребенных покрывали глиной, моделировали гипсом и раскрашивали. Более того, судя по последним исследованиям, антропологически тесинцы, похороненные в грунтовых могилах, ближе к европеоидному населению тагарской культуры, чем общая серия, включающая и погребенных в склепах (Громов, 2002, с. 36). Это может означать только одно: монголоидные черты в большей степени присутствуют в (343/344)

антропологическом материале из склепов. В связи с последним представляется актуальным проведение отдельного исследования антропологических материалов из тесинских склепов, тем более, что фактическая база для этого создана еще в 1980-е годы.

Э.Б. Вадецкая проследила окуневские традиции, сохраняющиеся в карасукском искусстве и проявляющиеся в таштыкском. В частности, отмечено, что в таштыкской раскраске масок встречаются элементы, характерные для окуневских личин: горизонтальные полосы и знаки на лбу (Вадецкая, 2000, с. 47). В этой же работе высказано предположение о существовании в таштыкское время групп населения, связанных своим происхождением с окуневцами (там же, с. 50). Несомненно, что изображения окуневских личин на писаницах, отдельно стоящих стелах или на плитах, переиспользованных в качестве угловых и простеночных камней в оградах тагарских курганов, в большем количестве и в лучшем состоянии (чем дошедшие до настоящего времени) сохранялись в тесинское и таштыкское время. Они могли быть реальными образцами для подражания и творческой переработки.

Суммируя приведенные факты и некоторые отмеченные ниже данные, представляется возможным сделать несколько предварительных выводов:

1. Судя по наличию трепанационных отверстий на черепах, захоронениям отдельных черепов, присутствию в могилах намеренно отчлененных частей трупов, в окуневское время практиковался обычай искусственных операций с телами умерших (Вадецкая, 1986, с. 29; Ковалев, 1997, с. 98-99). Производилась раскраска лиц умерших, соответствующая основным (семантически значимым) элементам личин, изображенных на камнях и стелах.
2. Отдельные группы окуневского населения проживали на Алтае и в Туве до скифского времени. Окуневская составляющая в культурах скифской эпохи этих регионов фиксируется в антропологическом составе населения (монголоидная примесь) и в некоторых особенностях погребального обряда (Мандельштам, Стамбульник, 1980, с. 53-54).
3. Как выяснилось в последние годы, в скифскую эпоху на Алтае производилась мумификация тел представителей не только высшего («царского») сословия, но и других социальных слоев общества (Полосьмак, 2001, с. 241). Отдельные случаи мумификации тел умерших в скифское время отмечены в Туве (Савинов, 2002, с. 118; Чугунов, 1999). Судя по результатам палеопатологического обследования костных остатков из могильника Аймырлыг, обычай искусственных операций с телами умерших был распространен в этом регионе достаточно широко (Мерфи, 2001, с. 125-150). Не следует ли рассматривать данное явление на Алтае и в Туве как продолжение и усложнение (бальзамирование) обычая посмертных операций с телами умерших, возникшего в окуневское время?
4. В пазырыкское время на Алтае, помимо трепанации черепов, в одном случае зафиксированы остатки обмазки лица (черепа?) из глины с примесью воска (Полосьмак, 2001, с. 245). Раскраска на ней не сохранилась, но, судя по татуировке на коже тела, обмазка, заменяющая ткани лица, могла быть ранее покрыта росписью.

5. В Минусинской котловине обычай искусственных операций с телами умерших (частичная мумификация), трепанация черепов, глиняные и гипсовые покрытия с раскраской на лицевой части широко распространяются в раннетесинское время в склепах и позднее появляются в грунтовых могильниках. Вероятнее всего, распространение подобной практики связано с миграцией отдельных групп населения в начале хуннской эпохи из Алтая и Тувы в Минусинскую котловину (Кузьмин, 1989, с. 26-27).

6. Можно предположить, что обычай искусственных операций с телами умерших, включавший раскраску лиц, возник в окуневское время, сохранялся и усложнялся (мумификация) на Алтае и в Туве в скифскую эпоху, а в хуннское время проник на территорию Минусинской котловины, где также претерпел значительные изменения (куклы-манекены, обмазка черепов глиной, раскраска).

7. Существовали ли окуневские элементы в раскраске лиц или глиняных покрытий черепов в скифское время, неизвестно. В связи с совпадением отдельных элементов окуневской и тесинско-таштыкской раскраски возникают два основных вопроса. Следует ли рассматривать символику раскраски тесинского и таштыкского времени как результат сохранения окуневского «кода» в культурной памяти потомков скифской эпохи и позднее – хуннской? Или же она появляется вторично в результате мощного эмоционально-психологического воздействия изображенных на камнях личин на религиозное сознание местного и пришлого населения, в процессе которого по-новому воспринимались (или ассоциативно оживали в глубинах подсознания) древние образы, знаки, символы? Возможно, сочетались оба эти фактора.

Дальнейший сравнительный анализ основан на двух положениях: неслучайном характере сходства элементов окуневских изображений и символов в тесинско-таштыкской раскраске, а также определенном семантическом единстве тех и других.

Большая часть материалов для изучения тесинской раскраски была получена при раскопках курганов-склепов среднего периода тесинской культуры (середина I в. до н.э. - I в. н.э.), среди которых, по количеству сохранившихся черепов с обмазкой, выделяется курган Новые Мочаги (Кузьмин, 1985, с. 216-217). Факты, полученные во время расчистки и разборки скелетов, позволили реконструировать искусственные операции, проводимые до похорон с телами умерших, и определить (344/345)

специфику погребального обряда не только в данном склепе, но и в других тесинских курганах (Кузьмин, Варламов, 1988, с. 146-155). Особенности раскраски в данной реконструкции отдельно не рассматривались и заслуживают специального взимания.

На отдельных черепах, обмазанных глиной, дополнительный слой гипса не обнаружен, на других – кусочки гипса, раскрашенные красной краской, сохранились поверх глины на глазах и губах, но чаще всего лицевая часть и шея поверх глины покрывалась слоем (или слоями) гипсовидной массы, которой окончательно детализировались черты лица. После одновременной расчистки всех черепов, покрытых глиной и гипсом, было очевидно, что моделировка и раскраска делались индивидуально, а не по одному шаблону. Глиняные покрытия раскрашивались черной и красной красками. Видимо позднее, на лицевую часть некоторых из глиняных голов наносился гипсовый слой (слои), который после подсыхания также раскрашивался. Сохранность раскраски на глине плохая: краски выцвели, орнамент плохо различим, и фиксируется только по остаткам цветных пятен. Лучше сохранилась краска на гипсе.

Во время полевых исследований были отмечены два основных типа раскраски. Судя по предварительному определению пола погребенных, сделанному в поле, у мужчин покрытие полностью тонировалось кроваво-красной краской, по красному фону наносились поперечные черные полосы, у женщин по белому, светло-серому или желтому фону красной краской

наносили более сложные орнаменты в виде трилистника, выше переносицы и ближе к вискам рисовали кружки, глаза и губы подкрашивали.

Отметим два случая, с учетом антропологических определений М.Б. Медниковой (Медникова, 2001, с. 218-219). *Череп 46*. Мужчина 35 лет (там же). Череп трепанирован в области левой височной кости, обмазан глиной, покрыт гипсом и тонирован красной краской. *Череп 34*. Женщина? *adultus*. Череп трепанирован в области левой височной кости, обмазан глиной. Лицевая часть и шея покрыты гипсом. В этом случае наиболее полно характеризуется женский тип раскраски. По белому гипсу на обеих щеках красной краской был нанесен узор в виде зигзага. В верхних углах он заканчивается так называемыми трилистниками (точнее тремя соприкасающимися кружками), в нижних – кружками, более крупными, чем верхние. От этих кружков вверх (внутри углов) идут короткие отростки, а вниз проведены линии, также заканчивающиеся трилистниками. Не исключено, что «трилистники» являются схематичным изображением лотоса. Над носом, на лбу нанесено красное пятно каплевидной формы. Выше глаз, ближе к вискам – по одному красному кружку (рис. 1, 7). Идентичный орнамент в виде трилистников (цветков лотоса?) был нанесен красной краской на левой щеке (правая обращена к земле) гипсового покрытия черепа скелета 31, предварительно определенного в поле как женский. Выше левой надбровной дуги, ближе к виску сохранилось красное пятно округлой формы (рис. 1, 8).

Подобные орнаменты были нанесены на гипсовые покрытия двух женских черепов из исследованного Я.А. Шером могильника Каменка. Рисунок покрытия одного черепа из могилы 71Б (Каменка III) опубликован Э.Б. Вадецкой (Вадецкая 1999, рис. 85). Для подтверждения сходства приводим этот рисунок (рис. 1, 11). Различия незначительны: по-разному нарисован орнамент ниже зигзагов, на гипсовом лице из Каменки на лбу между глаз пятно не каплевидной, а подтреугольной формы, но сходны округлые кружки на висках. На одном из хорошо сохранившихся гипсовых лиц кургана Новые Мочаги (ск. 34) конец подбородка разрушен, на лице из Каменки в этом месте нарисован трилистник (лотос?).

Таким образом, материалы склепа (Новые Мочаги) и грунтового могильника (Каменка III) подтверждают существование двух типов раскраски в тесинское время. Мужской тип: общий красный тон и поперечные полосы – между носом и ртом (рис. 1, 1–2) и, реконструктивно (по мелким фрагментам обмазки), – выше глаз и через все лицо поперек носа. Женская раскраска наносилась по белому, светло-серому и желтому общему тону. Основные элементы раскраски: красная точка между бровей и еще две ближе к вискам, «трилистники» на щеках и подбородке, подкраска глаз и губ (рис. 1, 7-8, 11).

Таштыкские маски продолжают и семантически усложняют орнаментацию тесинских глиняных и гипсовых покрытий. Также как и в тесинское время, различается раскраска мужских и женских масок. Лучше всего это заметно на отреставрированных масках, покрывавших два черепа мумий из могилы 4 могильника Оглахты I, раскопанной Л.Р. Кызласовым в 1969 г. (Кызласов, 1970). Обе хранятся в Гос. Эрмитаже. Фотографии и рисунки масок опубликованы (Завитухина, 1976, с. 107, рис. на стр. 86; Вадецкая, 1992, табл. 100, 1-2; 1999, рис. 6, 1-2; 20046, рис. 3). Мужская маска покрывает переднюю часть черепа, включая подбородок и наклепные уши. В теменной части маски сделан прямоугольный вырез, где начинается коса из каштановых волос. Под маской на черепе сохранилась ткань зеленого цвета, череп трепанирован в области левой височной кости. Маска покрыта красной краской. Выше бровей нанесена черной краской полоса, истончающаяся ближе к вискам. От правого виска к носу проходит одна черная полоса, от левого – еще одна, с дополнительными отростками ниже глаза. Видимо, эти две линии – остатки одной, ранее пересекавшей нос (рис. 1, 3). Женская маска облепает переднюю часть черепа, включая теменную часть и подбородок, уши прилеплены отдельно. Череп трепанирован в теменной (345/346)

части, сохранились каштановые волосы. Общий фон маски – белый, лоб, щеки, нос, губы и уши окрашены красной краской, красные завитки нанесены у носа. Линии прорезанных глаз подведены черной краской. По красной краске в верхней части лба прочерчена спираль, слева

от виска начинается еще одна, справа – прочерчены завитки, напоминающие растительный орнамент. Орнамент на верхней части маски несимметричен (рис. 1, 12). Маска с лица подростка из раскопок А.В. Адрианова в Оглахтах в 1903 г. хранится в Историческом музее в Москве. Она полностью покрыта красной краской, выше глаз проведена черная полоса. Видимо, маска покрывала лицо умершего мальчика (рис. 1, 4).

С.В. Киселев разделил таштыкские маски на четыре типа: «I – маска лица; II – маска передней половины головы (с ушами); III – маска передней половины головы с шеей и IV – маска-бюст». При этом он отметил, что в позднеатагарских курганах (то есть тесинских) встречены только два первых типа (Киселев, 1949, с. 251). О раскраске на масках сообщается следующее: «Линии, образующие на лбу меандр, на висках и на щеках спирали, наносились двумя красками рядом – красной и синева-черной. Этими же красками расписывались какими-то узорами и шея и грудь бюстов. Кроме того, при росписи щек применялась голубая и зеленая краски. Несомненно, эта раскраска передает татуировку, память о которой (а, может быть, и она сама) отразилась в позднейшем сообщении китайской хроники о том, что енисейские хакасы (кыргызы) красят себе грудь и шею» (там же, с. 250). Киселев провел также сравнение масок из таштыкских грунтовых могильников и склепов: «В таштыкских грунтовых могилах были обнаружены маски, сохранявшие натуральный белый цвет, окрашенные сплошь красным и раскрашенные узором, нанесенным красной краской на белый фон. Изучение узора убеждает в его полном сходстве с росписью масок из таштыкских склепов. Установлены те же спирали и «лабиринты» на лбу, полудиски под глазами и т.п.» (Киселев, 1949, с. 222).

Э.Б. Вадецкая опубликовала некоторые предварительные выводы исследования масок (Вадецкая, 1999, с. 93-102; 2004; 2004а). В отличие от С.В. Киселева, она выделяет только два типа: маски, покрывавшие головы кукол, и маски-бюсты. Их раскраска приведена суммарно: «...преобладают маски со следами красного вещества... синей (голубой, черной) краской окрашивали прорези глаз, а также края маски: за ушами, нижние части скул и щек, края шеи. Иногда голубой (синей) краской окрашены верхние края маски, создавая впечатление «бордюра». Красной краской окрашены: лоб, виски, щеки, уши, нос и губы. У многих масок на лбу, висках и у носа имеются криволинейные узоры: круги, волюты, спирали. Они либо нарисованы красной краской по светлому фону, либо процарапаны по красному фону...» (Вадецкая, 2004а, с. 319).

Вопрос о различии мужских и женских раскрасок на масках и бюстах из склепов подробно не рассматривался. Тем не менее, традиция нанесения поперечных полос по сплошному красному фону (мужской тип раскраски) и криволинейных красных орнаментов по белому фону (женский тип) сохраняется. Женский тип орнамента в виде спирали или лабиринта, иногда дополненный завитками слева и справа от него, встречен в склепах, расположенных в разных местах: Барсучиха IV, Сыры, у горы Тепсей (рис. 1, 9, 13), Уйбат (рис. 1, 10, 14) и др. (Вадецкая, 1999, рис. 48, 4-5; 49, 4-5; 53, 2; 54, 4-5; 2004а, рис. 7, 1, 3-5). Примером предположительно мужского типа раскраски (с горизонтальными полосами) могут быть маска с полосой выше бровей из склепа 2 у г. Тепсей (рис. 1, 5) и маска с двумя полосами (выше бровей и поперек носа) из Уйбата (рис. 1, 6; Вадецкая, 1999, рис. 53, 1; 2004а, рис. 7, 2). Однако не исключено, что такой семантически сложный элемент орнамента как спираль на лбу мог появиться в позднее время и на мужских масках.

В целом, раскраска таштыкских масок и масок-бюстов достаточно устойчива и восходит к тесинской. Сохраняется мужской тип раскраски – красный фон и поперечные полосы. Эволюционирует женская раскраска: исчезает «трилистник», щеки закрашиваются красной краской; на месте тесинской точки между бровей находится начало раскручивающейся на лбу спирали; вместо еще двух точек, расположенных слева и справа от центральной, ближе к бровям, появляется сначала растительный орнамент, превращающийся позднее в симметрично расположенные волюты или спирали. Дополнительно подкрашиваются губы и глаза, появляются завитки на носу. Основные краски – белая, красная, черная, но применяются и другие (зеленая и голубая).

Наиболее близкие аналогии основным элементам тесинско-таштыкской раскраски находятся в памятниках эпохи бронзы, в первую очередь в материалах окуневской культуры, сложившейся в Минусинской котловине в начале II тыс. до н.э. На окуневских личинах находятся соответствия почти всем элементам тесинско-таштыкской раскраски: «третий глаз», три поперечные полосы – выше глаз, поперек носа, между носом и ртом. Дугообразной линией выделен подбородок (в тесинской раскраске – трилистник на подбородке). Третий глаз часто показан двумя концентрическими кружками с точкой посередине (в таштыкской раскраске – спираль) (Вадецкая, 1980, рис. 5-6). Дополнительные два кружка на висках (соответствующие тесинским точкам) наносились только на некоторых объемных личинах, продолжающихся на боковых гранях. От них начинаются «рога» (там же, табл. XXXVI, изваяние 35; XLIX, изваяние 103; L, изваяние 108). Не совсем ясен прототип тесин-

(346/347) ского орнамента на щеках: на окуневских личинах часто от горизонтальной линии под носом, около ноздрей начинаются отростки, заходящие на щеки. Иногда на щеках нанесены три параллельные дугообразные линии. Судя по остаткам охры в бороздках на камнях, в ряде случаев углубленные бороздки на окуневских изображениях личин закрашивались.

Определить различия в окуневских изображениях по половому принципу сложно, так как только на некоторых из них имеются женские признаки (грудь и выпуклый живот), на других их нет, поэтому они могут быть и женскими и мужскими. М.П. Грязнов все личины считал женскими, однако, основываясь на случаях, когда на одной стеле сочетаются образы зверя (мужское начало) с женскими изображениями, сделал вывод о том, что изображение предка-покровителя (родовое божество) было двуполо – то есть содержало и женское и мужское начало (Грязнов, 1950, с. 131, 155). Э.Б. Вадецкая, как и М.П. Грязнов, все личины относит к женским изображениям, мужскими считает фигурки в масках или наголовниках разного типа. Женские личины интерпретируются ею как изображения женских предков-покровителей рода, возможно шаманок (Вадецкая, 1980, с. 67-70, 76). Некоторые из личин, помещенные в верхней части стел, Л.Р. Кызласов считает мужскими (Кызласов, 1986, с. 224-225). Н.В. Леонтьев отметил связь отдельных типов личин с изображением мужского божества – «Трибога» (Леонтьев, 1997, с. 222-236).

Вопрос разделения окуневских личин на мужские и женские не решен окончательно. Это не позволяет определить возможные истоки отличий тесинско-таштыкской раскраски по половому принципу. При этом предварительно можно высказать одно наблюдение: личины двух типов, связанные, по мнению Н.В. Леонтьева, с мужским божеством «Трибогом» (с дугами, отделяющими глаза, и антропоморфные изображения в верхней части стел), лишены «третьего глаза» (Леонтьев, 1997, рис. 17; Вадецкая, 1980, с. 124, изваяние 15, с. 125, изваяние 23, с. 127, изваяние 37, с. 141, изваяние 107).

Дополнительные сведения по рассматриваемому вопросу содержатся в материалах исследований на Алтае и в Туве. Исключительное значение имеют материалы, полученные В.Д. Кубаревым во время раскопок могил окуневского времени у села Каракол на Алтае. Здесь впервые появляется возможность сравнить особенности раскраски черепов (лиц) погребенных с полихромными изображениями «периода шаманов», нанесенными, по мнению автора, на плиты каменных ящиков специально для погребения (Кубарев, 1988).

На черепах погребенных сохранились следы краски. Погребение 2 (мужчина) – на черепе, ниже глазниц, пятна красной охры, на надбровных дугах – следы черной краски. Погребение 3 (двое мужчин): на обломках одного из черепов – следы черной краски. Погребение 4 (ребенок): череп окрашен красной охрой. Погребение 5 (пол?): на лбу и макушке черепа – следы красной охры, вокруг глазниц, на скулах и на лбу – следы черной краски, (там же, с. 12-19, 56). Из описания видно, что на мужских черепах встречаются сочетания красной и черной краски (на надбровных дугах), детский череп окрашен красной краской. По мнению В.Д. Кубарева, раскраска лиц умерших красной и черной краской повторяла «иконографию масок каракольских персонажей», изображенных на плитах (там же, с. 134).

Полихромные фигуры на плитах каменных ящиков, синхронные погребениям, наносились по искусственно очищенному камню (белый фон) красной и черной краской. Встречены фигуры, раскрашенные только черной или красной краской, а также сочетающие эти два цвета на белом фоне. Все фигуры изображены в зоантропоморфных масках, иногда в звериных шкурах. Судя по композиции рисунков и присутствующим персонажам в масках, по мнению автора, на плитах изображены сцены проведения погребальных обрядов, при которых «проигрывалась» одна из соответствующих мифологем. Семантика образов и сцен раскрывается при сравнении с «...изображениями зоантропоморфных божеств первых древневосточных государств» (там же, с. 118-119).

Типы масок различны, но, что является примечательным, на них отсутствует изображение «третьего глаза». В интересующем нас аспекте важно то, что в двух случаях на изображениях масок присутствуют элементы, возможно, повторяемые при раскраске лиц погребенных. На плите 1 из погребения 2 изображены две пары похожих фигур (там же, рис. 18-19). На масках двух фигур, изображенных слева (одна повреждена), по белому фону искусственно очищенного камня овал лица, глаза и рот нарисованы красной краской. Между глаз до верха лба проведена короткая вертикальная красная линия, переходящая выше черепа в направленный вверх луч (Кубарев трактует ее как нос), горизонтальная линия нанесена красной краской выше рта. От головы отходят 12 лучей-перьев, нарисованных черной краской. На масках другой пары фигур, помещенной справа, очертания лиц и ушей сделаны красной контурной линией, затем лица и кончики ушей заполнены черной краской. Белыми на лицах оставлены глаза, рот и две сходящиеся на лбу дугообразные линии, отделяющие глаза.

Все три выделенных элемента встречены на личинах Минусинской котловины и, возможно, соответствовали особенностям раскраски лиц умерших. Подобные элементы раскраски личин окуневского типа известны на Верхнем Енисее в Туве, в частности, в урочище Мугур-Саргол и на правом берегу реки Чинге (Дэвлет, 1976). М.А. Дэвлет предположила, что рисунки личин повторяли реально существовавшие ранее маски, (347/348)

раскраска которых соответствовала раскраске лиц или татуировке (там же, с. 6-16). В.Д. Кубарев заметил, что дугообразные линии, отделяющие глаза на лицах фигур из Каракола, встречаются и на личинах-масках урочища Мугур-Саргол (Кубарев, 1988, с. 117; Дэвлет 1976, рис. 4, 29; 6, 8, 17 и др.).

Сходство элементов раскраски можно продолжить: на некоторых личинах из Мугур-Саргола видны поперечные линии, проведенные выше глаз (Дэвлет, 1976, рис. 5, 7, 14; 6, 5, 20, 23 и др.), поперек лица через нос (там же, рис. 5, 18), между носом и ртом (там же, рис. 5, 40). На личинах из Мугур-Саргола «третий глаз» отчетливо не выделен, но на ряде изображений линия носа продолжена выше глаз и заканчивается утолщением треугольной или округлой формы (там же, рис. 4, 1, 2-3, 8 и др.; 5, 15-16, 27, 29, 31, 40 и др.; 6, 2-4, 16, 18 и др.). На этих личинах (кроме парциальных – то есть неполных) показан отросток-«антенна», выступающий из теменной части головы, иногда в сочетании с рогами, или рогами и ушами (там же, рис. 5, 6). Если утолщение носа выше глаз является схематичным изображением "третьего глаза", то необходимо подчеркнуть, что верхний отросток-«антенна» на этих личинах с ним не связан. На других личинах линия носа продлена до теменной части головы и переходит в «антенну». Отростки-«антенны» на тех и других личинах заканчиваются наверху круглой точкой, кружком, Ф-образной фигурой или фигурками, напоминающими человечков или птиц (там же, рис. 5, 6).

Все эти особенности раскраски заметны и на минусинских личинах: иногда вместо «третьего глаза» проведена вверх вертикальная линия, продолжающаяся выше головы (Вадецкая, 1980, с. 125, изваяние 21), «третий глаз» может быть заменен каплевидным значком, выступающим острой частью выше головы и иногда переходящим в «антенну» (там же, с. 126, изваяние 33, с. 128, изваяние 40, с. 137, изваяние 87). Крайне важным является место начала «антенны». При наличии «третьего глаза» она начинается либо от дуги, помещенной над ним (там же, с. 132, изваяния 62-63 и др.), либо от угла треугольника на темени (там же, с. 125, изваяние 26, с. 131,

изваяние 59 и др.). Последний тип («третий глаз» и «антенна» на темени) является, видимо, исходным и ясно показывает, что акцентируются две точки: одна выше носа на лбу и другая на темени. Остальные указанные случаи (с эквивалентами «третьего глаза») можно рассматривать как варианты основного типа.

Вопросы семантики окуневских изображений рассматривались в ряде работ М.Л. Подольского. Объяснение символики представленных образов автор находит в мифологии ведических индоариев (Подольский М., 1985, 1987, 1988, 1997).

Яркая и образная концепция, включающая типологию, хронологию и интерпретацию окуневского искусства предложена Д.А. Мачинским. Анализ письменных свидетельств античной традиции привел автора к заключению о том, что в III – середине I тыс. до н.э. в Хакасско-Минусинской котловине существовал древнейший сакральный центр, откуда юные девы несли «начатки плодов», отправляясь на Делос в святилища Артемиды и Аполлона. Носителей сакральных знаний, исходя из письменной традиции, Мачинский отождествляет с гиперборейцами (Мачинский, 1997, с. 265-287) (в данном случае мы не затрагиваем обоснование Мачинским афанасьевской принадлежности сложных личин и окуневской – упрощенных).

Объясняя скрытый смысл основных элементов окуневских личин (яйцевидность лика, «третий глаз», вертикальные полосы, солярные знаки и др.), автор обращается к ведической мифологии и индо-тибетской эзотерической традиции. В основе интерпретации лежит гипотеза о знакомстве окуневцев с «...системой представлений об энергетике космоса и человека, которая позднее станет преимущественно достоянием индо-тибетской традиции...», в частности, с представлениями о чакрах – энергетических центрах человеческого тела и многослойной ауре, окружающей его. Исходя из этих представлений, «третий глаз» трактуется как изображение чакры аджна (мудрость, ясновидение), а место начала уходящей вверх линии на темени («антенна»), как «...брахма-рандхра или чакра сахасрара («тысячелетний лотос»), место выхода «души» из физического тела при экстазе или смерти просветленного» (там же, с. 273-279, табл. VI, VII). Помимо этих двух чакр иногда дополнительно изображаются две-три нижние (вишудра, анахата, манипура).

Д.А. Мачинский наметил и отличия пола изображенных: «рогатые девы» имеют груди, у «мужей» нижние части трактуются в виде хищника, полосы, выходящие из головы, оканчиваются упрощенным ликом (там же, с. 274-275, табл. II, 5-7). Выявление отличий мужских и женских образов требует дальнейшей разработки, но предварительно можно отметить, что, по крайней мере, на двух явно женских изображениях есть полоса, проходящая поперек носа, но нет полосы между носом и ртом (там же, табл. II, 5-6).

Интересную цепочку сопоставлений, помогающих понять семантику отдельных элементов личин окуневского типа Тувы, предложила М.А. Дэвлет (Дэвлет, 1997, с. 240-250). Одна линия основана на применении тибето-монгольских терминов сакральности: «Для объяснения особенностей очертания личин сердцевидной формы, а именно заглупления и тем самым акцентирования макушки (или же теменной части) можно привлечь сакральное понятие, обозначаемое в старинных текстах термином "отверстие Брахмы" или же "край (того, что) пропускает свет"... Возможно, на сердцевидных личинах углублением показано теменное отверстие, в котором, по представлениям древних, была сосредоточена жизненная сила. Это сакральное место, спустя тысячелетия, и получило

(348/349)

название "отверстие Брахмы"». Исходя из тибетского термина, означающего «сакральную субстанцию, связывающую царя с небом» и представления в традиции бонпо о светящемся тресе, осуществляющем эту связь, трактуется смысл изображения «антенны» (там же, с. 242).

Вторая линия аналогий уводит к персонажам ламаистской мистерии цам, имеющей древние до-буддийские корни. В частности, на голове одного из них («владыка ада докшит Чойджал») помимо рогов находится «эмблема буддизма, семантический заменитель божества» – ваджра (санскрит) или очира (монгольск.), похожая на "антенны" Ф-образной формы на голове

тувинских личин-масок (там же, с. 242-243). Третье направление связано с выявлением семантики рогов на личинах-масках при их сопоставлении с изображениями бычьих рогов на налобных повязках тувинских шаманов и представлениями о назначении рогов в шаманских мистериях. Анализируя опубликованные тувинские шаманские песнопения и записи этнографов, М.А. Дэвлет определяет: «Рога помогли шаману в его путешествиях между верхним, средним и нижним мирами. Благодаря им он преодолевал препятствия, поражал врагов» (Дэвлет, 1997, с. 242).

Подводя итог краткому экскурсу в область окуневского изобразительного творчества, с целью выявления возможных окуневских реминисценций в тесинско-таштыкское время, в частности в раскраске масок, выделим блок базовых положений, обосновывающих правомерность и плодотворность такого сравнения.

1. Окуневское изобразительное искусство превышает хронологические границы окуневской культуры: а) часть окуневских личин создана, видимо, в более раннее афанасьевское время; б) окуневские традиции сохраняются, безусловно, до скифской эпохи, являются одной из составляющих скифского искусства и возрождаются, наряду с другими элементами культуры, в эпоху хунну. Одна из возможных причин последнего – существование остатков этнических групп, несущих окуневские культурные традиции, в горах Саяно-Алтая и их инфильтрация на территорию Минусинской котловины в начале хуннской эпохи.

2. Наиболее ранние окуневские изображения находят соответствие в искусстве древневосточных государств (индо-европейский пласт). Иконография других (более поздних?) окуневских образов становится понятной при привлечении для сравнительного анализа религиозно-мифологических представлений ведических индоариев. Определенные параллели религиозно-мифологическим представлениям окуневцев, отраженным в сюжетах и образах их изобразительного творчества, прослеживаются вплоть до этнографической современности, в индо-тибетской эзотерической традиции, культах и верованиях последователей добуддийской религии бонпо, ламаистской мистерии цам, шаманистских представлениях населения Саяно-Алтая и, в основном, очерчивают круг культур, в религии которых сохранились отголоски окуневских традиций.

3. Ряд окуневских канонических образов на стелах и плитах представляют собой, несомненно, изображения основных божеств окуневского пантеона. В других случаях изображались либо ряженые – люди в звериных шкурах, наголовниках и масках, имитирующие эти божества в процессе проведения различных церемоний и обрядов (в том числе и погребальных), либо только маски.

4. Раскраска лиц умерших (окуневцев) точно не реконструирована, но некоторые данные дают возможность предположить, что она соответствовала раскраске реальных масок, а значит и изображениям этих масок-личин на камнях. Иконография ликов божеств повторяется в изображениях на масках, их близость позволяет привлекать те и другие для семантического анализа.

5. Раскраска тесинско-таштыкских погребальных масок, вероятнее всего, соответствовала раскраске масок-наголовников, использовавшихся при проведении обрядов, и, возможно, воспроизводила посмертную раскраску лиц, но вряд ли, как это часто предполагают, прижизненную татуировку.

6. Наиболее значимые элементы раскраски лиц окуневских личин изображены и на тесинско-таштыкских масках, отсутствуют только детали рисунков, находившиеся выше головы. Но на головах тесинских манекенов, таштыкских мумий и кукол, возможно, были головные уборы, где недостающие элементы могли быть представлены в виде вышивок или аппликаций. Совпадает и цветовая символика окуневской и тесинско-таштыкской раскраски, где основные цвета – белый, красный и черный.

Таким образом, имеются все основания для привлечения семантики основных элементов окуневской раскраски (лица, маски, личины) при анализе символики орнамента на тесинско-таштыкских масках.

Исходя из всего сказанного, можно предложить следующую семантику основных элементов раскраски тесинско-таштыкских масок.

Две поперечные полосы на лице, отделяющие органы чувств (рот, ноздри, глаза) – структурирование по вертикали (верх, центр, низ) в соответствии с представлениями о трех мирах – нижний, средний, верхний. Имеются на окуневских личинах (рис. 1, 1), присутствуют в тесинской (рис. 1, 1-2) и таштыкской (рис. 1, 3-6) раскраске.

«Третий глаз» – изображение чакры аджна, божественный глаз мудрости и ясновидения (Мачинский, 1997). В Тибете будущим ламам искусственно открывали «третий глаз», просверливая в черепе отверстие (Лобсанг Рампа, 1991). Отмечен на окуневских личинах (рис. 1, 1). В тесинской раскраске место маркируется красной точкой на лбу, (349/350)

в таштыкской – в этом месте начинается спираль, скручивающаяся на лбу (рис. 1, 9-10, 12-14).

Изображения спиралей и лабиринтов, обнаруженные на мелких плитках при раскопках тесинского могильника Есино III, Д.Г. Савинов связывает с представлениями о продвижении души в потустороннем мире (Савинов, 1995а, с. 22-32). Такая интерпретация применима, с одним дополнением, и к сходным по сути таштыкским изображениям. Кажется возможным предположить, что спирали и лабиринты в верхней части таштыкских масок являются прежде всего символическим отображением главного события, происходящего после смерти: выхода души через отверстие в теменной части головы умершего и затем уже ее блуждания в иных мирах. Древнейшие представления, обычаи и обряды, связанные с этими событиями, ярко описаны в «Тибетской книге мертвых» (здесь же: «Психологический комментарий» К.-Г. Юнга, 1992).

Дополнительная третья поперечная линия, проведенная на лбу выше глаз, встречается не всегда, отделяет «божественный третий глаз» от двух «нормальных». На окуневских личинах вместо третьей полосы иногда эту роль выполняют две дугообразные линии. Встречена и в тесинско-таштыкской раскраске (рис. 1, 3-6).

Вертикальная линия - «антенна», начинается на окуневских личинах в теменной части, в месте расположения чакры сахасрара. В тибетском ламаизме это место выхода из головы «астрального тела» (души) во время сна, медитации и после смерти. «Астральное тело» соединено с головой серебряной нитью, после смерти человека, спустя какое-то время, нить пропадает. После смерти человека лама произносил два опасных для живых словосочетания и на темени умершего, в месте расположения родничка, отскакивал фрагмент черепа, образовывалось отверстие, через которое душа покидала тело (Лобсанг Рампа, 1991; Давид-Неэль, 1991).

На одном из черепов в кургане Новые Мочаги, помимо трепанации в височной части, было сделано трепанационное отверстие на темени. В тесинской раскраске это место не отмечено, в таштыкской – вероятнее всего, спираль или лабиринт на лбу отмечает именно верхнюю чакру и место выхода души из тела (рис. 1, 9-10, 12-14). Расположение спирали на лбу связано с тем, что теменной части на масках просто нет.

Две красные точки у висков в тесинской раскраске (рис. 1, 8) модифицируются в таштыкское время в **волуны**, напоминающие **растительный орнамент**, или **спирали** (рис. 1, 9-10, 12-14). На окуневских личинах иногда в этих местах выбиты кружки, от них вверх отходят **«рога»** с отростками, что в целом напоминает **древовидный орнамент** (рис. 1, 1). Смысловую нагрузку изображений рогов быка на окуневских личинах МЛ. Подольский определяет, рассматривая роль «души» мифического быка в Ригведе и Авесте, как посредничество между землей и небом

(Подольский М., 1997, с. 185). Предназначение рогов в шаманских камланиях – помощь в путешествиях между мирами, оружие против врагов (Дэвлет, 1997, с. 242-243).

Трилистник на подбородке в тесинской женской раскраске (рис. 1, 7-8, 11) можно сопоставить с одной-двумя дугообразными линиями на подбородках окуневских личин (рис. 1, 1). Смысл этих элементов раскраски пока неясен.

Орнамент в виде зигзага с «трилистниками», нанесенный на щеки в раскраске женского типа тесинского времени (рис. 1, 7-8, 11), заменяется на таштыкских масках тонированием щек красной краской (рис. 1, 9-10, 12-14). На окуневских личинах часто на щеки заходят 8-образные отростки, начинающиеся от полосы, проведенной под носом (рис. 1, 1). Символика данного элемента тесинского орнамента также неясна, но если предположить, что «трилистник» – это схематическое изображение цветка лотоса, круг возможных аналогий может быть значительно расширен (см. например: Руденко, 1960, с. 256-258, рис. 132-а и др.).

Предложенный опыт раскрытия семантики основных элементов тесинско-таштыкской раскраски на основе сравнения с соответствующими семантически значимыми элементами окуневских личин является первым и, видимо, не совсем совершенным. Тем не менее, перспективность данного направления исследований кажется очевидной.
(350/351)

Рис. 1. Эволюция тесинско-таштыкской раскраски погребальных масок.

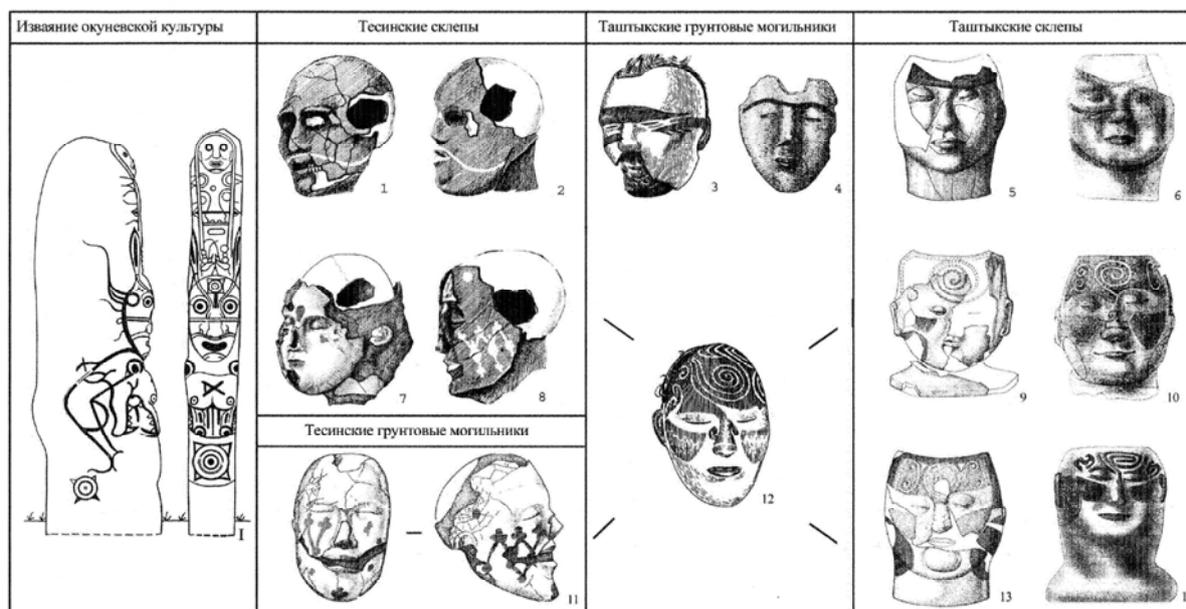

Рис. 1. Эволюция тесинско - таштыкской раскраски погребальных масок.
1 - изваяние 103 (Вадецкая 1980, табл. XLIX); 1, 2, 7, 8 - Новые Мочаги; 3, 4, 12 - Огдахты; 5, 9, 13 - Тешей III склеп 2; 6, 10, 14 - Уйбат I склеп 11; 11 - Каменка.